

УДК 346.12

Б.Г. РОЗОВСКИЙ, д-р юрид. наук, ведущий научный сотрудник
Институт экономико-правовых исследований НАН Украины, г. Киев

КУПИТЕ ИЗМЕНЕНИЕ В ЗАКОНЕ!

Ключевые слова: охрана окружающей среды, оценка, природные ресурсы, ответственность, ущерб, расчет ущерба, методика, компенсация.

Существующее право — это свод мыслимых и немыслимых запретов. По идее, запрет оправдан, если его нарушение влечет наступление неблагоприятных экономических и других последствий. В статье предлагается, при условии соблюдения соответствующей процедуры, наделять хозяйствующих субъектов правом действовать вопреки запрету при условии компенсации потенциальных потерь. Ущерб предотвращается совместными действиями сторон.

Кто путешествовал по Европе на машине, наверняка заметил, что при подъезде к любому крупному городу движение расширяется до 6—8 полос. У нас же, наоборот, все зачастую сужается в бутылочное горлышко. Стоя в пробках, видя, как некоторые водители делают недопустимый обгон, выезжают на полосу встречного движения, невольно проводишь аналогию со своим родным правом. Оно тоже прокладывает дороги нашей жизни и деятельности, которые должны приводить к цели, большой или маленькой, без каких-либо пробок. Иначе не разумны расходы на строительство, неизбежны «выезды на полосу встречного движения». На беду, наше право не может быть охарактеризовано как атлас скоростных магистралей, скорее наоборот.

Я не стал бы расписывать эти известные истины, если бы не очевидная аналогия. Не с нашими дорогами, а с европейскими. Там проблему решили, сделав часть дополнительных дорог частными. Хочешь ехать быстрее, без задержек — плати, покупай скорость и время. А почему нельзя применить такой же подход в праве? Речь не идет о правовых «дорогах» для богатых и бедных. Стержнем права является принцип: выгода одного должна быть выгодна обществу. Не нужно только лишать его инициативы в поиске взаимной выгоды. Для этого требуется ликвидировать монополию государства на экономическую оценку результатов законотворчества, наделить заинтересованные организации и граждан правом «покупать» новые правовые акты и вносить предложения по изменению действующих, доказывая эффективность новации.

Готово к этому наше общество? Кто-то из мудрецов подметил, что мало кто имеет смелость жить. Большинство людей существуют так, как будто стоят в передней и ждут, когда некто вышестоящий пригласит их пройти в парадные комнаты. С первых дней своего существования каждый, подчеркиваю, каждый человек противостоял природе, был ее завоевателем. Научно-технический прогресс, казалось, вооружил его мощными орудиями и средствами все возраста-

ющего обеспечения существования, должен был развить инициативу, способности к движению и реализации новых задач в окружающей среде. На деле все оказалось иначе: с каждым поколением удельный вес людей-завоевателей сокращается. Ныне к их числу условно можно отнести предпринимателей всех уровней, включая политиков и ученых — созидателей новых знаний. Подавляющее же большинство Homo sapiens исторически превратилось в кладоискателей. Государство создает ниши, ячейки, где человек может, если ему повезет, найти свой клад — место заработка на хлеб насущный, с маслом или без.

Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в начале 2015 г., более семидесяти процентов россиян, выбирая между свободой и порядком, предпочли порядок. «Причина в том, что у этой части наших граждан представления о свободе не выходят за пределы маленького обывательского мирка, в котором они счастливы. Наши люди всегда мечтали о некоем упорядоченном бытии типа патриархального, где все друг друга знают и где все доступно обозрению. Многие до сих пор ностальгически вспоминают, как они жили в коммуналке» [1].

Возникла тенденция не сегодня. Вспомним «Вишневы сад». У Фирса спрашивали: — Фирс! Когда это было-то? — Ну как же — перед несчастьем! — Перед каким несчастьем? — Как перед каким? Перед волей!

Юристам давно настало время повиниться перед человечеством. Это созданное нами право сковало общественную инициативу, обрекло людей на роль безукоризненных исполнителей навязанных предписаний. Право — колоссальное, многоуровневое и широко разветвленное собрание разного рода запретов и чуть ли не шаманских ритуалов¹. Для обеспечения их соблюдения создан столь же внуши-

тельный административно-полицейский монумент. Однако в реальной действительности редко какое правило не требует выявляемых в процессе его применения разного рода исключений. На практике неизбежно возникают личности, которые находят выход путем того же «выезда на встречную полосу».

Исследования, проведенные Объединением предпринимательских организаций РФ («Опора России»), показало, что малый бизнес систематически нарушает законодательство, оставаясь безнаказанным: 60 % респондентов уверены, что соблюдать требования закона в полном объеме невозможно; две трети опрошенных предпринимателей (67 %) признались, что наказания они избежали по коррупционным схемам [2]. О крупном бизнесе и говорить нечего. Кто подсчитал, насколько повысятся экономические результаты хозяйствования, если средства будут расходоваться не на взятки, а на требуемую, но запрещенную реконструкцию производства или иную деятельность, позволяющую увеличить прибыльность?

Практика свидетельствует: в хозяйственном законодательстве, как и в других отраслях, необоснованных запретов много. Закон, как правило, принимается, исходя из условий и обстановки, имеющейся на день вступления его в силу. Но жизнь, особенно в наш насыщенный событиями век, становится все более скоротечной. То, что было движущей силой вчера, сегодня нередко превращается в тормоз, наступает конфликт между нормой и реалиями жизни. В итоге жизнь берет свое, закон, сохраняющий омертвляющиеся стереотипы, не способный по-новому и более широко смотреть на изменяющийся мир, сам становится в части практики его применения товаром на правовом рынке, правда, «черном»: регламентированные запреты в большинстве без особых проблем обходятся на коррупционной основе.

Президент Чехии Милош Земан в качестве эпиграфа к своей книге «Как я ошибался в политике» написал: «Политика — это прежде всего сражение с идиотизмом, включая идиотизм власти». Очень верные слова. Почему мы миримся с идиотизмом, почему не стремимся привлечь бизнесмена к разработке локального, выгодного всем участникам правового разезда? Что-то принципиально новое, ранее неведомое? Отнюдь. Делаем. Но как? Пара-

¹ Библейский змей внушал, что Бог подвергает человечество мучениям, дав Адаму и Еве прекрасные деревья и вкуснейшие плоды, но при этом запрещая их есть. Не делает ли это же с нынешними Адамами и Евами наше хозяйственное, как впрочем, и остальное право? Сатирики злословят: «Десять библейских заповедей состоят из 279 слов, американская Декларация о независимости — из 300 слов, а Положение ЕС об импорте карамелек — из 25 911 слов». Предприниматели все больше превращаются в неких высокотехнологичных киберроботов, но никак не свободных людей. То же с остальными гражданами.

докс: предлагаем создать замаскированные «форточки» в системе санкций.

Ныне поднят на щит лозунг: «Бизнес должен работать, а не сидеть в тюрьме». Как реакция, в науке уголовного права предметом обсуждения стал вопрос об «откупе» виновного — замене ему по ряду экономических и хозяйственных преступлений меры наказания в виде лишения свободы штрафом в кратном исчислении к сумме причиненных убытков. Предложение получило неединичную поддержку. Однако где логика? Даже запрет на убийство допускает исключение при необходимой обороне, почему в экономике запрет непоколебим? Известный российский процессуалист А.С. Александров постулирует: «Дурак нарушает закон, умный тупо исполняет, мудрый интерпретирует» [3]. Однако, судя по статистике правонарушений, умных в предложенной трактовке в нашей стране мало, ибо сколько не интерпретируй закон, без помощи Кио или Дэвида Копперфильда «Нельзя!» не превратишь в «Можно». Разумный человек, где целесообразно, должен не заниматься риторикой, а требовать отмены или изменения не состоятельного закона.

Большинство запретов в хозяйственном, экологическом праве и других имеют — должны иметь — экономическую основу: их нарушение влечет наступление прогнозируемых потерь. Без этого сам запрет, его введение лишено логического и любого другого смысла. Но коль эти потери допустимо рассчитать и без ущерба компенсировать «откупом», зачем нарушителя подвергать клеймению, для чего подвергать штрафу в кратном исчислении? Опять-таки, в уголовном процессе допускается прекращение производства за примирением сторон, почему в других отраслях при наличии правонарушения штраф неминуем, даже в случае компенсации причиненного ущерба? Не разумнее ли регламентировать в Хозяйственном кодексе Украины и соответствующем законодательстве РФ общий постулат: *по согласованию сторон, в необходимых случаях с санкции государства, введенные запреты могут быть полностью или частично отменены при условии полной компенсации потенциальных потерь?* Нет ущерба — нет преступления, нет необходимости в наказании. Экономически и социально обоснованное реформирование приведет к декриминализации

многих деяний со всеми вытекающими оптимальными последствиями.

При кажущейся простоте предложения проблема есть, и достаточно сложная. Каждый вносимый на рассмотрение парламента проект закона должен пройти экономическую экспертизу. Однако далеко не всегда эта экспертиза, если и проводится, оказывается действительно экономической. Нередко она сводится к простому подсчету расходов на применение закона и завершается выводом, что дополнительные затраты не требуются или исчисляются незначительной суммой. В качестве свежего примера можно привести обсуждаемый ныне проект закона РФ о введении в уголовное судопроизводство института следственных судей. Профессор А.В. Смирнов, выступая в поддержку принятия закона, свел расходы на новацию к сумме содержания этих судей [4]. Но любой грамотный экономист должен также определить размер неминуемо возрастающих затрат правоохранительных органов на разъезды за тридевять земель к следственному судье за всем множеством согласований, на неоправданное содержание задержанного в связи с отсутствием судьи в выходные и праздничные дни, на потери рабочего времени оперативных и следственных работников, вынужденных заниматься излишним бумаготворчеством. Требуется учесть затраты на обучение дополнительного количества специалистов в вузах и дальнейшую их переподготовку, расширение площади рабочих помещений, коммунальные услуги и многое другое. К сожалению, ситуация типичная.

Можно говорить о примерах существующей необоснованной практики сведения в уголовном праве ущерба от хищения к стоимости похищенного, об отождествлении в налоговом законодательстве ущерба от несвоевременного поступления налоговых платежей с их суммой и другом подобном. Однако в ограниченных рамках статьи более целесообразно остановиться на остающейся в тени проблеме произвольности многих нормативов, соблюдение которых обеспечивается правовым принуждением. Рекордсменом здесь наверняка является экологическое право.

История науки в обыденном понимании представляется как победная поступь овладения знаниями о человеке и окружающем мире. Куда реже достоянием общественности, в том

числе научной, становятся ситуации, сопровождающие формирование тех или иных научных постулатов, которые иначе, как комедийными, не назовешь. Немало их было и при разработке экономико-правового механизма управления охраной окружающей среды. Сейчас остались единицы из тех, кто стоял у истоков, время безжалостно. Я тоже на финишной прямой. И, наверное, нельзя считать оправданным, если события далеких лет не станут достоянием нынешних исследователей. Они проливают свет на понимание многого, ныне считающегося научными истинами. Поделюсь воспоминаниями о некоторых неординарных случаях.

Научным центром разработки в СССР экономико-правового механизма рационального природопользования в 70-е годы прошлого века стал Луганский филиал Института экономики промышленности АН УССР, в дальнейшем выделившегося Института экономико-правовых исследований АН УССР. Модель механизма управления охраной окружающей среды создавали по простой схеме: плата за нормативно допустимое потребление природных ресурсов и штрафные санкции — за его превышение. Проблема заключалась в экономически обоснованном определении ставок: они не должны без оснований разорять предприятие и в то же время обязаны стимулировать его к сокращению объема выбросов и сбросов загрязняющих веществ. Для этого требовалось решить принципиально новую задачу — разработать методику оценки экономического ущерба, причиняемого загрязнением природных объектов.

Методика в идее проста: сопоставляются экономические показатели эксплуатации природного объекта в загрязненной и относительно чистой зоне. Например, сравнивается урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность скота в ареале выбросов промышленного предприятия и в отдаленном сельскохозяйственном районе. Берутся, естественно, близкие по бонитету земельные угодья, одинаковые породы скота, сходная численность поголовья и т. д. Результаты получились впечатляющие. Однако, спустя время, когда попытались при завершении исследований «встроить» их в разработанную многофакторную модель социально-экономического управления в промышленном регионе, возникли серьезные сомнения в их объективности.

Толчком послужили неудачные попытки напрямую, без учета культурных и социально-экономических факторов, оценить ущерб, причиненный загрязнением среды здоровью населения. Оказалось, например, что в то время продолжительность жизни женщин (почему именно женщин — не нашло объяснения до сих пор) в Луганской области была самая высокая в г. Коммунарске (ныне Алчевск), который во всех расчетах принимался за эталон максимума промышленного загрязнения. (В Алчевске в те годы постоянно проживала старейшая в области жительница в возрасте 104 года). В городах, насыщенных предприятиями химической промышленности с крайне вредными выбросами, продолжительность жизни населения была выше, чем в шахтерских поселках.

Решили проревизовать результаты всех ранее проведенных исследований. Начали с животноводства. Судя по отчетам, в условно чистой зоне в некоторых, отнюдь не единичных, коллективных хозяйствах показатели заболеваемости и продуктивности скота были на уровне плохих хозяйств в загрязненной зоне. И, наоборот, в загрязненной зоне в отдельных коллективных хозяйствах эти показатели были на достаточно высоком уровне. В среднем «температура по больнице» действительно подтверждала вывод о негативном влиянии загрязнения среды, но почему имели место разительные исключения?

По согласованию с властными структурами организовали обследование скота, находившегося в личной собственности граждан. Результат шоковый: никаких весомых различий между зонами нет. Оказалось, решающую роль играет фактор, который вообще не учитывался. В сельских районах подавляющая часть населения занята на полях и фермах. Другой работы нет. В промышленно развитых районах наиболее социально активная часть населения занята на предприятиях, где уровень оплаты выше, чем в колхозах и совхозах. На фермы идут те, кто по личностным и деловым качествам не могут найти себе более высокооплачиваемую работу. Отсюда различие в отношении к труду, отсюда и разница в заболеваемости скота.

Обжегшись на молоке, решили детальнее присмотреться к хлебу. В качестве полигона зоны промышленных загрязнений в исследо-

ваниях брался ареал выбросов Коммунарского (ныне Алчевского) металлургического завода. Уж чего-чего, а пыли он выбрасывал сотни тонн, и всякой пакостной химии — тоже. Решили сравнить урожайность в сопоставлявшихся районах в дореволюционное время, когда завод еще не был построен. Выяснилось, что земля до отвода под строительство завода из-за низкой продуктивности под пашню почти не использовалась.

Требовалось выяснить объективные причины. Помогли специалисты. Коммунарск расположен в верхней части Донецкого кряжа, возвышающегося над сельскими районами на 160 метров. Несмотря на столь относительно небольшую разницу, там значительно чаще и со значительно большей силой, чем в районах, принятых за эталон относительно чистой зоны, дуют ветры. Они-то и послужили, наряду с техногенными загрязнениями, основными виновниками снижения урожайности. Недаром в СССР одно время была кампания по созданию ветрозащитных лесополос.

Исследования осуществлялись в тесной кооперации с Центральным экономико-математическим институтом АН СССР (г. Москва). Там тоже не обошлось без казусов. Не имею морального права беспокоить тени ушедших именитых ученых, поэтому не буду их называть. Приведу отдельные примеры.

Обсуждаем вопросы экономической оценки природных ресурсов. С землей понятно — по плодородию, с лесом — по древесине, ягодам и т. д. Но природа может иметь и эстетическую оценку. Левитана, Шишкина, Айвазовского и сотни других она воодушевляла на создание гениальных полотен. Обычный человек отдыхает душой при виде прекрасных пейзажей или просто в тенистом уголке. Как это оценить? — Пауза, потом называется цифра. — Недоуменные взгляды. — Непонятно? Ничего сложного. Я подсчитал стоимость билета на электричке в оба конца, бутылки водки и закуски.

Включаюсь в игру: а если человек непьющий? — Пусть тогда сидит дома, нечего ездить ему на природу. Вы тут нас поучаете, что юристы имеют дело с четко определенными реалиями, а мы математики-экономисты — с величинами виртуальными. Тогда скажите, кто и как взвесил, что за убийство дают десять лет, а за кражу пять? Что, жизнь равна двум кошечкам? Приняли такой закон и исполняют

без рассуждений. Мы тоже нередко действуем навскидку, прикидываем эффективность, а потом онаучиваем.

Сделали очередные черновые расчеты экономической оценки природных объектов, ущерба от загрязнения среды и соответствующих нормативов платы. Некоторые величины получились не столь весомыми, чтобы говорить о стимулирующей роли экономического механизма. Так, делаем перерыв до завтра. Утром получаю отредактированные формулы. В одной из них что-то обозначено новой буквой. Спрашиваю: это что такое? — Неужели не понимаете? Коэффициент. — Какой коэффициент? — Постоянный. — Как он рассчитывается? — А он не рассчитывается, он постоянный! Важность охраны природы и наличие весомого ущерба от нерационального природопользования не вызывали сомнений, в расчетах отразился субъективный фактор.

Первоначальные, как выяснилось, далекие от точности результаты исследований неоднократно публиковались, докладывались на конференциях, тиражировались во многих изданиях. А время перепроверки совпало с явным спадом интереса к природоохранительной тематике. Уточненные результаты были опубликованы, но активность в их использовании не прослеживалась. К тому же каждый последующий исследователь для придания актуальности теме пытался приводить «жаренные цифры», избегая споров об их обоснованности. В итоге в своей основе методика действует, применяется поныне, и никто даже не ставит вопрос об оценке народнохозяйственного ущерба, причиняемого «потолочно» рассчитанными ставками сборов и других платежей. Такова жизнь.

Не уверен, что и сегодня можно разработать полноценную, действительно экономически обоснованную методику расчета ущерба, причиняемого загрязнением природного окружения. Слишком много ингредиентов и их сочетаний, воздействующих только на человека, не говоря о других объектах. Да и многие люди по-разному на них реагируют. При скептическом отношении к гомеопатии все же установлено, что некоторые препараты лечат в сверхмалых дозах. А где гарантия, что некоторые химические и другие загрязнители в сверхмалых, в сравнении с нормируемыми ПДК дозах, не калечат? В Крыму в целях ком-

пенсации нехватки пресной воды ставили вопрос об опреснении морской воды. Однако специалисты предупреждают, что вода обладает памятью и при технически простом опреснении она будет восприниматься организмом человека как соленая. Нужны специальные методы изменения самой структуры воды, разработанные в Израиле. При очистке промышленных стоков они не применяются, исследования памяти растворов не проводятся.

На Донбассе есть угольные пласты с загрязнением ртутью и ее соединениями. Однако у жителей и шахтеров, добывающих этот уголь, отмечается заметное снижение показателей онкологической заболеваемости. Не страдают бронхиальной астмой лица, соприкасающиеся с производством веществ, содержащих в малых дозах мышьяк. Если придать этим фактам широкую огласку, найдутся, наверное, и другие примеры избирательности нормативов ПДК. Почему мы их не пытаемся дифференцировать?

Нынешняя методика санитарно-гигиенического нормирования ориентирована на среднестатистического человека. Но в аннотациях ко многим лекарственным препаратам в перечне побочных эффектов стоят рядом, перечисляются через запятую, такие крайности, как диарея и запор. В природе понятие тождества относительно. При анатомическом сходстве, мы все разные. *Почему предприятиям-природозагрязнителям вместо безликих, неизвестно на что расходуемых платежей не предоставить возможность на условиях взаимной выгоды «покупать» право выбора способов компенсации ущерба здоровью тем, кому он действительно причиняется?* При этом мы сможем получить объективную, а не «научно-гипотетическую» картину действительного влияния отходов производства на здоровье конкретных людей в конкретных регионах.

Тот же подход целесообразно применить при оценке и компенсации ущерба, причиняемого промышленными загрязнениями аграриям. Подчеркивание не случайно. Любые платежи, даже если бы были адресными, не ликвидируют народнохозяйственные потери. Как не именовать, они означают недовложение средств в обеспечение функционирования и развития субъекта хозяйствования, уменьшение его отчислений в бюджет на удовлетворение потребностей граждан. Тот же эффект

при излишних затратах на охрану природы. Предприятие-загрязнитель и аграрий могут и должны с привлечением квалифицированных специалистов исследовать, какие выбросы и в какой мере влияют на урожайность сельхозкультур, продуктивность скота и прочее в конкретном хозяйстве. В зависимости от результатов может быть найден вариант сохранения и даже повышения его рентабельности при том же объеме выбросов промышленных загрязняющих веществ. Это — изменение структуры посевов, замена семян и удобрений, искусственное орошение и многое другое, для чего загрязнитель, при необходимости, на взаимовыгодной основе предоставит кредит, окажет техническую помощь.

Есть еще один кричащий аспект. Существующая практика равного нормирования снижения выбросов каждому субъекту хозяйствования экономически несостоятельна: у одного из расположенных рядом предприятий затраты на сокращение 1000 м³ одинаковых по составу выбросов могут составлять условно 100 тыс. рублей, а у другого, из-за специфики технологии — миллион. В США давно применяется *Bable principle effect* (принцип пузыря). Грубо говоря, одно предприятие финансирует, где это выгодно, работу по сокращению определенного объема выбросов у другого и получает право на сохранение или даже увеличение выбросов у себя в пределах общего норматива для региона. Экономический эффект очевиден. В свое время писали, направляли докладные записки во все инстанции. Понимания не нашли.

В рамках статьи подняты отдельные, может не глобальные, аспекты проблемы. В целом экономика правопорядка, которая на Западе достаточно развита, у нас еще ждет замены нынешнего Сусанина на Магеллана.

Когда данная работа была завершена, в «Российской газете» № 67 (6638), 2015 г. появилась информация о слушании Конституционным судом РФ дела об охране природы. Она может служить наглядной иллюстрацией изложенного. Суть такова. Компания «Заполярье-нефть», занимающаяся нефтедобычей в Ханты-Мансийском автономном округе, на протяжении 2012 г. допустила четыре случая небольших разливов нефти с примесями. Общая площадь загрязнений составила чуть более тысячи квадратных метров («как этот зал Кон-

ституционного суда», охарактеризовал адвокат). Подобные аварии в куда более крупном масштабе периодически происходят во всем мире, предупредить их не всегда возможно. «Заполярье» самостоятельно ликвидировала все последствия разлива. (Снят и вывезен зараженный грунт, остатки нефти подвергнуты разложению с помощью биопрепаратов). Стоимость работ составила около 300 тыс. рублей. На сумму свыше 600 тыс. «Заполярье» подвергли штрафу в возмещение ущерба, который рассчитали по методике причинения загрязнения вреда лесному хозяйству, хотя разлив происходил на болотах, где «нет не только деревца, но и кустика»(!). Санкция оспаривается. Это тема для продолжения дискуссии. Однако главный довод участвовавшего в процессе представителя Госдумы РФ: «ущерб от применения биопрепаратов, нейтрализовавших отходы, может проявиться через 10—20—50 лет, каков он будет предсказать невозможно, потому должен быть взыскан», — необходимо отвергнуть с порога. Воистину: «Не знаю, но верую». А кто в состоянии опровергнуть, например, столь же надуманное утверждение, что в условиях меняющегося климата данные препараты, наоборот, помогут сохранить локальную биосистему, и за это надо поощрить компанию? Какие аргументы есть «за» и «против»? Если сегодня ставится вопрос об ответственности, то сегодня, в рамках возможного и разумного, должны быть определены критерии, и по ним рассчитаны последствия правонарушения, вплоть до прогнозируемого будущего. По этим же критериям должен регламентироваться порядок возмещения причиненного вреда. Все иное — произвол.

Пример показателен: возможно задумается, не являются ли — не только в экологическом праве — многие действующие штрафные и другие санкции плодом гадательных представлений отдельных горе-теоретиков об

ожидаемом будущем? Может попытаемся сделать экономическую оценку таких гаданий?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васенин В.* Свобода: благо или бремя? // Российская газета. — 11 марта 2015.
2. *Две трети малого бизнеса вовлечено в коррупцию* // Известия. — 2014. — № 138 (29138).
3. *Александров А.С.* Аксиомы новой теории судебных доказательств Электронный ресурс. — Режим доступа : <http://www.iuaj.net/>
4. *Интернет-газета* / Режим доступа : <http://www.echo.msk.ru/guests/813418-echo/>

Поступила 11.06.2015

Розовський Б.Г.

Інститут економіко-правових досліджень
НАН України, м. Київ

ПРИДБАЙТЕ ЗМІНУ В ЗАКОНІ!

Чинне право — це зведення мислимих і немислимих заборон. Заборона є виправданою, якщо її порушення спричиняє настання несприятливих економічних та інших наслідків. У статті пропонується наділяти суб'єктів господарювання правом діяти всупереч забороні при дотриманні відповідної процедури та за умови компенсації потенційних втрат. Збитком заповідають спільні дії сторін.

Ключові слова: охорона довколишнього середовища, оцінка, природні ресурси, відповідальність, збиток, розрахунок збитку, методика, компенсація.

Rozovskii B.G.

Institute of Economic and Legal Researches
of NAS of Ukraine, Kyiv

BUY A CHANGE IN THE LAW!

Existing jurisprudence is a set of conceivable prohibitions. Theoretically, the ban is justified if it involves a violation of the adverse economic onset and other effects. In the article the procedure subject to grant the right of economic agents to act contrary the prohibition by compensation of potential losses. Damage is prevented by joint actions of the parties.

Key words: environmental protection, assessment of natural resources, responsibility, damage, damage calculation, methods of compensation.